

In memoriam

МАРИНА МАНСУРОВНА ХАСАНОВА (21.01.1948–18.12.2006)

Судьба определила нам жить в эти нелегкие времена, когда главным является устоять, не потерять, выжить, успеть исполнить задуманное, для чего работал всю жизнь. И грустно осознавать на этом пути потери. Их в последние годы, к сожалению, было немало. Прошло уже более трех лет, как нет среди нас Марины Мансуровны Хасановой. Мы, ее ближайшие коллеги и друзья, знали о ее болезни, но не верили, что так скоро наступит трагический конец. Умерла М.М. Хасанова 18 декабря 2006 г.

Марина Мансуровна Хасанова родилась 21 января 1948 г. в Хабаровске в семье военнослужащего. В течение года после Хабаровска во время учебы отца в военной академии они жили в Москве, а потом переехали в Новосибирск. Здесь в 1966 г. Марина с серебряной медалью окончила престижную школу, в которой в старших классах было углубленное изучение математики; в том же году она поступила на гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, выдержав немалый конкурс – на одно место претендовали 16 человек.

В университете Марина с увлечением изучала тунгусо-маньчжурские языки, в первую очередь – эвенкийский. Этот многодиалектный и “покрывающий” огромную территорию язык стала преподавать в маленькой группе аспирантка Лариса Мееровна Бродская, ныне доктор филологических наук. Занятия по маньчжурскому языку, фольклору и этнографии тунгусо-маньчжурских народов вела к. филол. н. Елена Павловна Лебедева – именно благодаря ей у студентов появились интерес и вкус к североведению как к комплексной дисциплине. Курс введения в языкознание, а также спецкурс по нанайскому языку читал известный ученый – чл.-корр. АН СССР Валентин Александрович Аврорин. Именно он в свое время определил научную судьбу Марины Мансуровны: будучи деканом гуманитарного факультета, во время собеседования при поступлении в университет он посоветовал ей заняться тунгусо-маньчжурскими языками. Учителями Марины также были специалист по экспериментальной фонетике, монголист и тюрколог В.М. Надеяев, специалист по якутскому языку Е.И. Убрятова, русисты А.И. Федоров и М.И. Черемисина – все они, как и В.А. Аврорин с Е.П. Лебедевой, приехали в известный тогда всей стране новосибирский Академгородок из Ленинграда или Москвы. В течение учебного

года студенты тунгусо-маньчжурской группы (А.Г. Вебер (Перцева), Л.М. Горелова, А.М. Певнов, М.Д. Симонов, М.М. Хасанова) осваивали прежде всего эвенкийский язык, летом же, во время каникул, с энтузиазмом отправлялись на практику в экспедиции в труднодоступные экзотические “уголки” Сибири и Дальнего Востока. В студенческие годы М.М. Хасанова вместе с А.М. Певновым четыре раза была в экспедициях. Их “стационары” и маршруты: забытая Богом эвенкийская деревня Тетея в Иркутской обл., низовья Амура (от нивхско-негидальской деревни Белоглинка до Николаевска-на-Амуре) и р. Амгунь (эвенкийско-негидальская деревня Владимировка), Нижняя Тунгуска (сёла Тутончаны и Кислокан с эвенкийским населением), эвенкийское село Чиринда в Заполярье на севере Красноярского края.

Дипломную работу М.М. Хасанова писала под руководством Е.П. Лебедевой по эвенкийскому фольклору (о таком удивительном его персонаже, как лиса). Попутно замечу, что Е.П. Лебедева и В.А. Аврорин были представителями знаменитой петроградско-ленинградской этнографической школы (Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз, Я.П. Кошкин, Д.К. Зеленин и др.).

В 1971 г. после окончания Новосибирского государственного университета М.М. Хасанова и ее муж А.М. Певнов получили направление на работу во Владивосток – в только что созданный Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра Сибирского отделения АН СССР. Их зачислили в сектор филологии, которым руководила специалист по нанайскому языку к. филол. н. Л.И. Сем. Три месяца они работали в должности стажера-исследователя. Осенью 1971 г. директор института чл.-кор. АН СССР А.И. Крушанов предложил им поступать в целевую аспирантуру при Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР. В те годы в этом учреждении работали такие известные специалисты, как А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон, Е.А. Крейнвич, П.Я. Скорик, А.А. Холодович, В.И. Цинциус, А.М. Щербак и др. Научным руководителем М.М. Хасановой и А.М. Певнова стал выдающийся лингвист В.А. Аврорин. Надо сказать, что они были последними учениками Валентина Александровича – умер он в начале 1977 г., не дожив до своего семидесятилетия.

Диссертация Марины Мансуровны была посвящена повелительному наклонению в эвенкийском языке. Во время учебы в аспирантуре (1971–1974) М.М. Хасанова и А.М. Певнов дважды – в 1973 и 1974 гг. – отправлялись в длительные экспедиционные поездки в эвенкийский поселок Джигда Аяно-Майского р-на Хабаровского края. Примерно за четыре месяца они собрали ценнейшие лингвистические и фольклорные материалы. Три с половиной десятка лет назад еще живы были прекрасные знатоки эвенкийского языка и фольклора. Именно в Джигде, где к тому времени жили эвенки чуть ли не всего Аяно-Майского р-на, Марина Мансуровна со своим мужем прошла настоящую школу полевой лингвистики – она освоила эвенкийский язык на практике и приобрела бесценный опыт работы с рассказчиками. Несколько толстых “амбарных книг”, заполненных записанными под диктовку эвенкийскими текстами на разных диалектах, стали основой ее кандидатской диссертации. Работа “Повелительное наклонение в эвенкийском языке” была завершена в срок (в декабре 1974 г.) и обсуждена на ученом совете института, получив при этом положительную оценку рецензентов. Однако сама защита по не зависящим от М.М. Хасановой причинам состоялась лишь через несколько лет. Проходила она 8 июня 1979 г. на заседании специализированного совета в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР. Официальными оппонентами были д. филол. н. Е.И. Убрятова и к. филол. н. Н.И. Гладкова, ведущей организацией – Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. В 1986 г. увидела свет монография, подготовленная М.М. Хасановой на основе ее диссертационного исследования.

После окончания аспирантуры и шестимесячного прикомандирования к Ленинградскому отделению Института языкознания АН СССР М.М. Хасанова и А.М. Певнов вернулись во Владивосток. Марина Мансуровна стала работать в секторе этнографии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра Сибирского отделения АН СССР (впоследствии Дальневосточного отделения АН СССР); этим сектором в те годы руководил специалист по этнографии народов южной части Дальнего Востока СССР тогда еще кандидат исторических наук Ю.А. Сем – выпускник Восточного факультета ЛГУ. Работая в разных секторах одного института, М.М. Хасанова и А.М. Певнов продолжали вместе ездить в экспедиции. За 15 лет работы во Владивостоке они побывали в разных районах расселения эвенков и негидальцев: в Тугуро-Чумиканском, им. Полины Осипенко и Ульчском (всё это районы Хабаровского края). За эти годы они собрали значительное количество материалов по фольклору, языку и этнографии этих двух тунгусо-маньчжурских народов. Желание заняться языком и культурой негидальцев – “супермалочисленного” этноса (примерно 350 чел.) в низовьях Аму-

ра и на Амгуни – пришло к Марине Мансуровне в начале 1980-х годов. Интуиция не подвела ее – выбор был абсолютно правильным, хотя первые шаги в освоении нового языка, вроде бы и близкого эвенкийскому, дались с немалым трудом.

В научных публикациях во владивостокский период у Марины Мансуровны преобладали работы по фольклору эвенков и негидальцев, а также удэгейцев. В архиве выдающегося путешественника и этнографа В.К. Арсеньева она кропотливо изучала неопубликованные записи удэгейского фольклора (Владимир Клавдиевич записывал по-русски, причем с немалым количеством примечаний, в которых нередко встречаются удэгейские слова). В 1988 г. М.М. Хасанова издает во Владивостоке препринт “Путь В.К. Арсеньева-этнографа”. Несмотря на то, что в тот период было опубликовано несколько работ, посвященных жизни и научной деятельности этого выдающегося ученого, ей удалось, основываясь преимущественно на архивных данных, сказать свое слово. Даже из самого названия работы ясно, что М.М. Хасанова считает В.К. Арсеньева прежде всего ученым-этнографом, собравшим ценнейшие материалы не только по этнографии, но и по фольклору. Работы М.М. Хасановой, посвященные фольклорному наследию В.К. Арсеньева, были высоко оценены специалистами.

Марину Мансуровну очень интересовал фольклор как историко-этнографический источник: в 1986 г. была опубликована ее статья “Отражение исторической действительности в фольклоре восточных эвенков”, а в 1988 г. – статья “Отражение этнических процессов в фольклоре негидальцев”.

В 1990 г. М.М. Хасанова и А.М. Певнов были приглашены на работу в Новосибирск в Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Вскоре от этого комплексного института “отпочковался” наряду с другими Институт филологии СО РАН. Работа в этом учреждении, М.М. Хасанова активно участвовала в подготовке к изданию тома “Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлуңгу, ехэ” из серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока” (составители тома М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова). Этот замечательный труд был опубликован в Новосибирске в 1998 г., Марина Мансуровна является автором большого раздела, посвященного записям удэгейского фольклора, сделанным В.К. Арсеньевым.

Много лет Марина Мансуровна мечтала жить и работать в Ленинграде/Петербурге. В 1995–1996 гг. мечта сбылась, причем совершенно неожиданно и главным образом благодаря активной поддержке известного тюрколога А.М. Щербака, руководившего в те годы отделом алтайских языков Института лингвистических исследований РАН. С 20 января 1997 г. и до конца своих дней М.М. Хасанова работала старшим научным сотрудником в отделе Сибири МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, куда ее пригласил заведовавший этим отделом Ч.М. Таксами.

Всё складывалось идеально – любимый город, любимая работа, причем в уникальном научном учреждении, в котором трудились такие выдающиеся этнографы и лингвисты, как Л.Я. Штернберг, Н.П. Дыренкова, Г.М. Василевич, И.С. Вдовин, С.В. Иванов, А.А. Попов, Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы и др.

Надо сказать, что этнография, причем в большей степени духовная культура, всегда интересовала Марину Мансуровну. Прекрасное знание эвенкийского и негидальского языков, большой опыт записи фольклора эвенков и негидальцев – всё это было исключительно важно и полезно для этнографических исследований. В отделе Сибири теперь стало два специалиста по культуре народов Приамурья – Ч.М. Таксами и М.М. Хасанова, причем оба со знанием языков коренных народов. В прежние времена для отдела Сибири это было нормой – этнографы, как правило, “свой” языки знали, а Г.М. Василевич, Н.П. Дыренкова и Г.Н. Прокофьев вообще были первоклассными “лингвистами-этнографами”, написавшими много замечательных языковедческих работ и оставившими нам большое количество записанных ими фольклорных текстов.

Так начался новый, третий этап научной жизни М.М. Хасановой – этап в основном этнографический; первый преимущественно был лингвистическим (Ленинград, 1971–1975), второй – главным образом фольклористическим (Владивосток, 1975–1990; Новосибирск, 1990–1996).

Уже в 1997 г., т.е. в первый же год своей работы в отделе Сибири, Марина Мансуровна публикует интересную статью, посвященную обряду “угощения” духа-хозяина воды у негидальцев, в следующем году вышла ее статья об узорах и рукоделии у негидальцев.

Известно, что культ медведя был широко распространен у народов Сибири и Дальнего Востока. М.М. Хасанова уделила много внимания культуре медведя у одного из самых малочисленных этносов Дальнего Востока – у негидальцев (“О культе медведя у негидальцев”, 2000; “Медвежьи мифы негидальцев”, 2004).

Во второй половине 1990-х годов в отделе Сибири МАЭ РАН регулярно проводились Сибирские чтения. Кроме того, сотрудники отдела принимали активное участие в конференциях, организованных Русским Географическим обществом. М.М. Хасанова выступала с докладами на всех этих конференциях. На одной из них она рассказала о своеобразной “речной ориентации” приамурских народов; доклад вызвал большой интерес, опубликован он был уже после кончины Марины Мансуровны (“Река в мировоззрении народов Нижнего Амура (к проблеме культурогенеза)”, 2007).

В одной из своих статей М.М. Хасанова рассмотрела сложный и исключительно важный вопрос маньчжурского культурного влияния на народы Приамурья (1999).

Занимаясь музейной работой, Марина Мансуровна много времени и сил отдала изучению и публикации дальневосточных этнографических коллекций. В 2000 г. увидела свет ее статья о негидальских коллекциях в собраниях МАЭ, в 2002 г. М.М. Хасанова выступила в Российском этнографическом музее с докладом о негидальской коллекции К.М. Мыльниковой в собраниях МАЭ, в 2003 г. была опубликована ее работа о коллекциях Л.Я. Штернберга в собраниях МАЭ, в 2005 г. – о фотоколлекциях Б.О. Пилсудского в МАЭ.

М.М. Хасанова и А.М. Певнов с почтением и благодарностью относились к своим учителям. В 2001 г. были напечатаны их статьи о выдающихся североведах – В.А. Аврорине и его жене Е.П. Лебедевой. Годом раньше в издательстве “Наука” было опубликовано удивительно тонкое и глубоко продуманное исследование В.А. Аврорина “Грамматика маньчжурского письменного языка”; М.М. Хасанова и А.М. Певнов выступили и как авторы предисловия, и как ответственные редакторы этой посмертно изданной книги.

Особого внимания заслуживает совместная работа М.М. Хасановой и А.М. Певнова “Мифы и сказки негидальцев”, изданная в Японии в 2003 г. В этой книге опубликована значительная часть негидальских фольклорных текстов, записанных Мариной Мансуровной и Александром Михайловичем в 12 экспедициях под диктовку от прекрасных знатоков устного народного творчества; исключительную ценность представляют многочисленные фольклористические и этнографические примечания к этим текстам, сделанные М.М. Хасановой.

Следует отметить участие Марины Мансуровны в изданиях Института наследия Бронислава Пилсудского (Южно-Сахалинск). Так, в 2005 г. в “Известиях Института наследия Бронислава Пилсудского” (№ 9) была напечатана уже упомянутая выше ее статья о фотоколлекциях Б.О. Пилсудского в МАЭ РАН, а в журнале “Этнографическое обозрение” (2005. № 4) – ее рецензия на книгу Б.О. Пилсудского “Материалы для изучения айнского языка и фольклора”. В своей монографии “Сахалинская жизнь Бронислава Пилсудского. Прологомены к биографии” (Южно-Сахалинск, 2008) директор Института наследия Бронислава Пилсудского В.М. Латышев, говоря о деятельности польских, российских и японских ученых, внесших существенный вклад в изучение творчества замечательного польского этнографа, называет по праву и имя М.М. Хасановой.

Очередной крупной и интересной этнографической работой М.М. Хасановой мог бы стать раздел о культуре негидальцев в томе “Тунгусо-маньчжурские народы” серии “Народы и культуры”, издаваемой Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. В планах Марины Мансуровны была подготовка к изданию эвенкийских и негидальских фольклорных текстов, записанных в течение почти трех десятков лет от чудесных людей, с такой добротой и уважением относившихся к ней, любивших ее. Некоторые переписывались с ней, делились своими радостями и заботами.

М.М. Хасанова в тунгусо-маньчжуроведении была лингвистом, фольклористом и этнографом. Комплексный характер подготовки специалистов был прежде характерен для ленинградской этнографической школы. В сибиреведении ее яркими представителями были такие ученые, как Г.М. Василевич, И.С. Вдовин, Н.П. Дыренкова, Н.К. Каргер, Е.А. Крейнкович, Е.П. Орлова, А.А. Попов, Л.П. Потапов, Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы, В.И. Цинциус и др. Крайне трудно было первым исследователям, однако нелегко и очень ответственно быть последним, кто еще может зафиксировать стремительно исчезающие языки и навсегда уходящие традиционные культуры. Марина Мансуровна прекрасно понимала необходимость именно комплексного изучения культур малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. Она 19 раз побывала у эвенков, негидальцев, ульчей, нивхов, орочей и удэгейцев, при этом в каждой экспедиции она стремилась собирать самые разные данные: записывала фольклор, расспрашивала стариков обо всем, что они помнили о прежней жизни, во всех поездках регулярно вела дневник, переписывала данные не только из похозяйственных книг, но и из местных архивов, фотографировала все, что представ-

ляло интерес для этнографии, собирала подъемный археологический материал; кроме того, она пыталась убеждать представителей местной власти в том, что надо помогать коренным народам и помогала им сама, как могла...

Была в жизни Марины Мансуровны и совершенно необычная экспедиция: осенью 1987 г. сразу после возвращения во Владивосток из поездки на Нижний Амур к негидальцам она и ее муж получили от известного дешифровщика древних систем письма (прежде всего майя) лауреата Государственной премии СССР Ю.В. Кнорозова совершенно неожиданное предложение посетить Курильские о-ва с научными целями. После той удивительной поездки (из-за ухудшения погоды удалось побывать, правда, только на о-ве Итуруп) М.М. Хасанова написала интереснейшую статью «“Захоронения” китовых скелетов на о. Итуруп» (1989). Ю.В. Кнорозов обратил внимание участников экспедиции на то, что под галькой прежде находились китовые позвонки, сложенные в анатомическом порядке, но в наше время этот археологический памятник был преднамеренно разрушен. По мнению М.М. Хасановой, “галечники” представляют собой, так сказать, “китовые комплексы”, в которые входили не только скелеты, но и ритуальные кострища и, вероятно, что-то еще. Ориентация “захоронений” всегда – от суши к морю. Как пишет исследовательница, “захоронения” скелетов – это вовсе не “могилы” китов, а, напротив, – символ живого кита,двигающегося в родную стихию, в море. Эти “захоронения” китовых скелетов имеют, как полагала Марина Мансуровна, определенные типологические параллели со знаменитой “китовой аллеей” на северо-востоке Азии, на одном из островов в проливе Сенявина (имеется в виду книга С.А. Арутюнова, И.И. Крупника и М.А. Членова “Китовая аллея”. М., 1982). Приводит М.М. Хасанова для сравнения и соответствующий, прежде всего, эскимосский этнографический материал, ссылаясь при этом на статью “Миф об умирающем и воскресающем звере” В.Г. Богораза и на работы Г.А. Меновщикова (в частности, на его статью “Китовый праздник полза у науканских эскимосов”). Так, В.Г. Богораз писал об обряде воскрешения добытых в течение данного сезона животных у палеоазиатских народов северо-восточной Азии. Одним из главных смыслов празднества была благодарность убитым животным за то, что они пришли к людям. По окончании “праздника” сохраненные кусочки тел китов, моржей, тюленей, рыб с необходимым вербальным сопровождением бросали в море, желая примирения с духами убитых зверей (да и с самими этими зверьями), а также, что крайне важно, надеясь на приход “в гости” к охотникам и рыбакам не только именно этих животных и рыб, но и их родственников и “товарищей”.

На основании всего изученного материала – археологического, фольклорного, этнографического – М.М. Хасанова пришла к убедительному выводу: «китовая церемония на ранних стадиях охотской культуры была длительна, разнопланова и связана с множеством хлопот. С течением времени магические действия стали заменяться знаками, что значительно упрощало обряд. В конце концов достаточно стало, как это делают эскимосы, бросить в море мелкие частицы внутренних органов, обрезок сердца, печени или глазное яблоко кита – и дело сделано, кит “оживет”». Таким образом, Марине Мансуровне удалось проследить на примере, быть может, и не связанных между собой культур – древней и современной – как трансформируется обряд за 2–2,5 тысячи лет. Поразительным образом умела М.М. Хасанова находить самое существенное и интересное, причем в каком диапазоне – от ритуальных захоронений китов на далеком о-ве Итуруп в Тихом океане до архаичной системы ручного счета у малочисленного дальневосточного народа (статья “Система ручного счета у негидальцев”, 1984)!

Хотелось бы кратко изложить содержание статьи о ручном счете. Как пишет М.М. Хасанова, негидальцы обычно ведут счет на правой руке, но при необходимости и на обеих. В последнем случае они могут изобразить числа 10 и 20, а в принципе – любое число: “например, 52: хлопок (10) – соединение кистей тыльными сторонами (20) – хлопок (30) – соединение кистей тыльными сторонами (40) – хлопок (50) – два оттопыренных пальца правой руки (остальные согнуты)”. Система ручного счета у негидальцев имела вспомогательный характер и применялась “в тех случаях, когда собеседник не понимал языка или не было возможности говорить громко (например, на охоте)”. Собранные М.М. Хасановой данные свидетельствуют о том, что еще в недалеком прошлом система ручного счета использовалась, в частности, негидальцами более активно. В связи с проблемой ручного счета Марина Мансуровна упоминает работы акад. Н.Я. Марра. По ее мнению, Николай Яковлевич был «безусловно прав в том, что “ручной” язык играл преобладающую роль в семиотике древнего человека, но неправильно было бы, наверное, считать, что звуковая сигнализация в тот период отсутствовала вовсе. Скорее всего, существовал синкретизм “кинетической” и звуковой речи при известном перевесе в сторону “кинетиче-

ской”. Чрезвычайно интересна мысль М.М. Хасановой о том, что “наиболее существенные для общения людей понятия не утрачивают “кинетического” означающего». Идеальной иллюстрацией этой мысли может служить счет.

Как видим, для работ М.М. Хасановой характерен комплексный подход к интересовавшим ее проблемам. Самое сложное и увлекательное в науке – междисциплинарные исследования. У Марины Мансуровны, как у североведа от Бога, были незаурядные способности к работе на стыке этнографии, фольклористики и лингвистики. К тому же, что немаловажно, работы ее написаны талантливо не только в научном отношении, но и в стилистическом – литературным языком она владела изумительно, писала легко, ясно и лаконично. К сожалению, многие интереснейшие статьи М.М. Хасановой опубликованы в малодоступных для специалистов сборниках на востоке нашей страны и было бы, несомненно, полезно для науки издать все такие труды Марины Мансуровны под одной обложкой, причем желательно в Петербурге.

Знали и уважали Марину Мансуровну и за рубежом – особенно тепло к ней относились японские коллеги, были у нее дружеские отношения со специалистами в Нидерландах, Польше, Финляндии. В Японии М.М. Хасанова побывала дважды: первый раз поездка длилась две недели (1997 г.; Тиба, Осака, Саппоро), второй раз – месяц (2001 г.; Саппоро, Киото). Именно в 2001 г. в университете Саппоро, куда Марину Мансуровну и Александра Михайловича пригласил их друг проф. Тосиро Цумагари, шла интенсивная и очень плодотворная подготовка к изданию книги “Мифы и сказки негидальцев”.

Особенно печально, когда ученый уходит из жизни в расцвете творческих сил и возможностей. Все мы – друзья и коллеги Марины Мансуровны – глубоко скорбим в связи с ее кончиной. Она очень много могла бы еще сделать в науке: ведь ей не было и шестидесяти. В нашей памяти она останется не только как серьезный исследователь, но и как обаятельная, остроумная, душевная, неизменно доброжелательная, чуткая и внимательная женщина. Она всегда готова была прийти на помощь и делала это от души, скромно, ненавязчиво. Я глубоко признателен Марине Мансуровне за внимание и помощь, которую она оказывала мне в необходимых случаях. Ее ни о чем не надо было просить – помогать людям было для нее естественным, обычным делом.

Марина Мансуровна будет не только в нашей памяти – остались ее труды, основанные на уникальных, собранных ею за многие годы этнографических, фольклорных и лингвистических материалах. Несомненно, исследователи культур, фольклора и языков народов Дальнего Востока не пройдут мимо ее глубоких, интересных, новаторских работ и записанных ею многочисленных ценнейших эвенкийских и негидальских текстов: им суждена вечная жизнь, а значит, и вечной будет память о Марине Мансуровне Хасановой.

А.М. Решетов